СКАЗКА ГОФМАНА

СНѢЖНАЯ ПРИНЦЕССА

Съ рисунками
А. Э. ВЕСТФАЛЕНЪ

ИЗДАНІЕ
І. КНЕБЕЛЬ
МОСКВА

Былъ холодный зимній вечеръ. На улицахъ города замѣтно было особенное оживленіе. Завтра канунъ Рождества, и всякому нужно было еще кое-что купить, еще куда-то сходить.

Всѣ спѣшили и никто не обращалъ вниманія на маленькую дѣвочку, прижавшуюся къ крыльцу большого богатаго дома. Она давно уже стояла здѣсь и смотрѣла на прохожихъ. Повидимому, дѣвочка очень озябла: коротенькая кофточка едва прикрывала ея худенькое тѣльце, плечи ея поминутно вздрагивали. Она старалась отогрѣть свои дрожащія ручки дыханіемъ. А изъ глазъ падали одна за другой слезинки.

Прохожіе стали уже рѣдки, еще рѣже проѣзжалъ извозчикъ, а ребенокъ все стоялъ, прислонившись къ мерзлымъ стѣнамъ каменнаго дома. Ей некуда было идти: отца она не помнила, родныхъ у нея не было, а нѣсколько дней тому назадъ снесли на кладбище ея мать, и бѣдный ребенокъ остался совсѣмъ одинокимъ. Печально смотрѣла дѣвочка, глазенки ея широко раскрылись, она слѣдила за серебристыми звѣздочками, падающими съ неба, и ей казалось, что передъ нею выростаетъ могила матери.

А снѣгъ все усиливался, все гуще и гуще окутывалъ землю пушистымъ ковромъ. И дѣвочкѣ казалось, что онъ падалъ только тамъ, гдѣ стояла она. Словно бѣлымъ облакомъ окутывалъ онъ ее; бѣлыя снѣжинки сыпались на ея головку, на плечи, залѣпляли глаза. Дѣвочка старалась стряхнуть его, но снѣжинки точно прилипли къ ней. Она посмотрѣла на ноги и ихъ почти уже не было видно изъ-подъ бѣлаго пуха. Кругомъ ничего не было, кромѣ блестящихъ, кружившихся снѣжинокъ.

Ей вдругъ стало такъ страшно, что хотѣлось закричать и позвать кого-нибудь на помощь. Вдругъ въ воздухѣ послышалось нѣжное пѣніе: какъ будто тысячи дѣтскихъ голосовъ пѣли что-то. Дѣвочка смотрѣла кругомъ, стараясь понять, откуда раздаются эти голоса. А снѣгъ шелъ все сильнѣе, сильнѣе, и скоро дѣвочки не было уже видно: все превратилось въ бѣлое облако, которое, точно столбъ, спустилось надъ крыльцомъ богатаго дома.

Она старалась отогрѣть свои дрожащія ручки дыханіемъ...

А. Вестфалекъ 1912

Все кругомъ смолкло, только раздавались нѣжные голоса. Теперь дѣвочка больше не боялась; она поняла, что это поютъ бѣлыя снѣжинки.

Вдругъ ей показалось, что чьи-то руки обняли ее и крѣпко держатъ въ объятіяхъ. Холода она уже не чувствовала. Пріятная теплота разлилась по маленькому тѣльцу, и дѣвочка съ наслажденіемъ вытянулась, какъ, бывало, въ своей кроваткѣ. А пѣніе все продолжалось. Тихо, ласково раздавались нѣжные голоса, и дѣвочка съ восторгомъ прислушивалась къ нимъ.

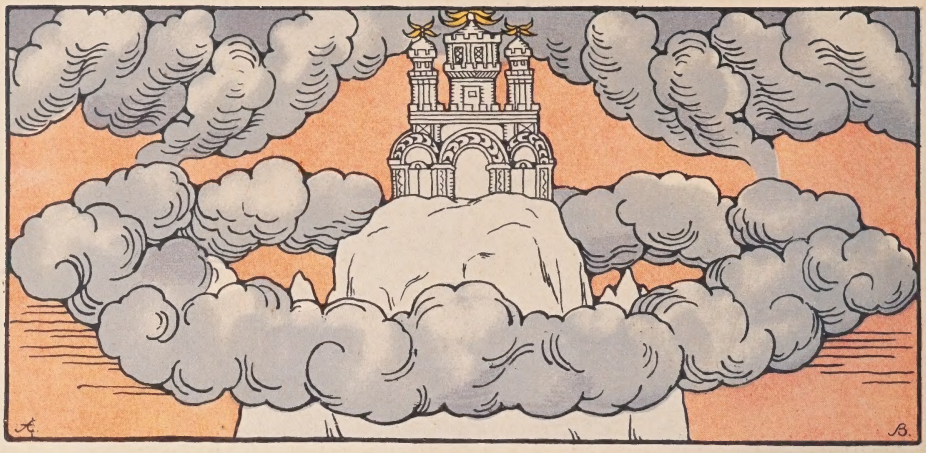
«Въ блестящій чертогъ мы тебя унесемъ»,—пѣли они и, словно колыбельная пѣсня, что пѣвала ей мать, звучали эти тихіе звуки.

Дѣвочка почувствовала, что глаза ея закрываются; она закинула головку назадъ и взглянула внизъ. Тамъ глубоко, глубоко, точно въ пропасти, чуть виднѣлись дома, едва мерцали огоньки.

Изъ глазъ ея выкатились двѣ слезинки; какъ росинки, упали онѣ на могилу матери, и весною на могильномъ холмѣ выросли чудные цвѣты. Потомъ дѣвочка заснула и ничего не помнила больше изъ своего воздушнаго путешествія.

Высоко, высоко надъ землею, на недоступныхъ вершинахъ горъ, окруженный алмазной стѣной нетающихъ снѣговъ, стоитъ волшебный замокъ. Гордо проносятся надъ ледянымъ чертогомъ тучи; искрясь и переливаясь въ лучахъ солнца, словно алмазная бахрома, нависаютъ льдины надъ холоднымъ замкомъ могучаго владыки зимы и морозовъ.

На высокомъ алмазномъ тронѣ сидѣлъ сѣдой какъ лунь старый дѣдъ.
А.Вестфалень 1912



Любо старому Дѣду въ его недоступномъ жилищѣ. Когда, завывая, носится надъ землею непогода, когда мятель и вьюга загоняютъ всѣхъ въ теплое жилье, тогда проясняется хмурое чело стараго владыки. Доволенъ онъ своею властью: все покорно ему въ его ледяномъ царствѣ. Созоветъ-ли онъ вѣтры, — они съ ревомъ несутся на землю и, завывая, рвутся въ окна людей. Морозы-ли трескучіе призоветъ,— они спускаются на землю и начинаютъ ковать свою ледяную цѣпь. И любо могучему дѣду. Кликнетъ онъ мятели и вьюги снѣжныя и пошлетъ ихъ далеко, далеко. Спустятся онѣ въ степи раздольныя, на поля и бѣлоснѣжнымъ ковромъ покроютъ землю, наметутъ сугробы. Берегись тогда бѣдный, запоздалый путникъ! Ни зги не увидишь, куда ни взгляни! И весело тогда суровому дѣду въ ледяномъ чертогѣ его. Улыбается старый и поглаживаетъ свою сѣдую бороду. А когда возвратятся его вѣрные слуги, разсказываютъ ему, какъ и что дѣлали, гдѣ и что видѣли.

И вотъ, однажды разсказали морозы дѣду, какъ въ бѣдномъ подвалѣ умерла женщина, какъ осталась у нея дѣвочка, какъ плакала она, когда опускали въ могилу ея мать. И захотѣлось старому дѣду увидать эту маленькую дѣвочку, разослалъ онъ слугъ своихъ и велѣлъ разыскать ее и бережно доставить въ свой чертогъ.

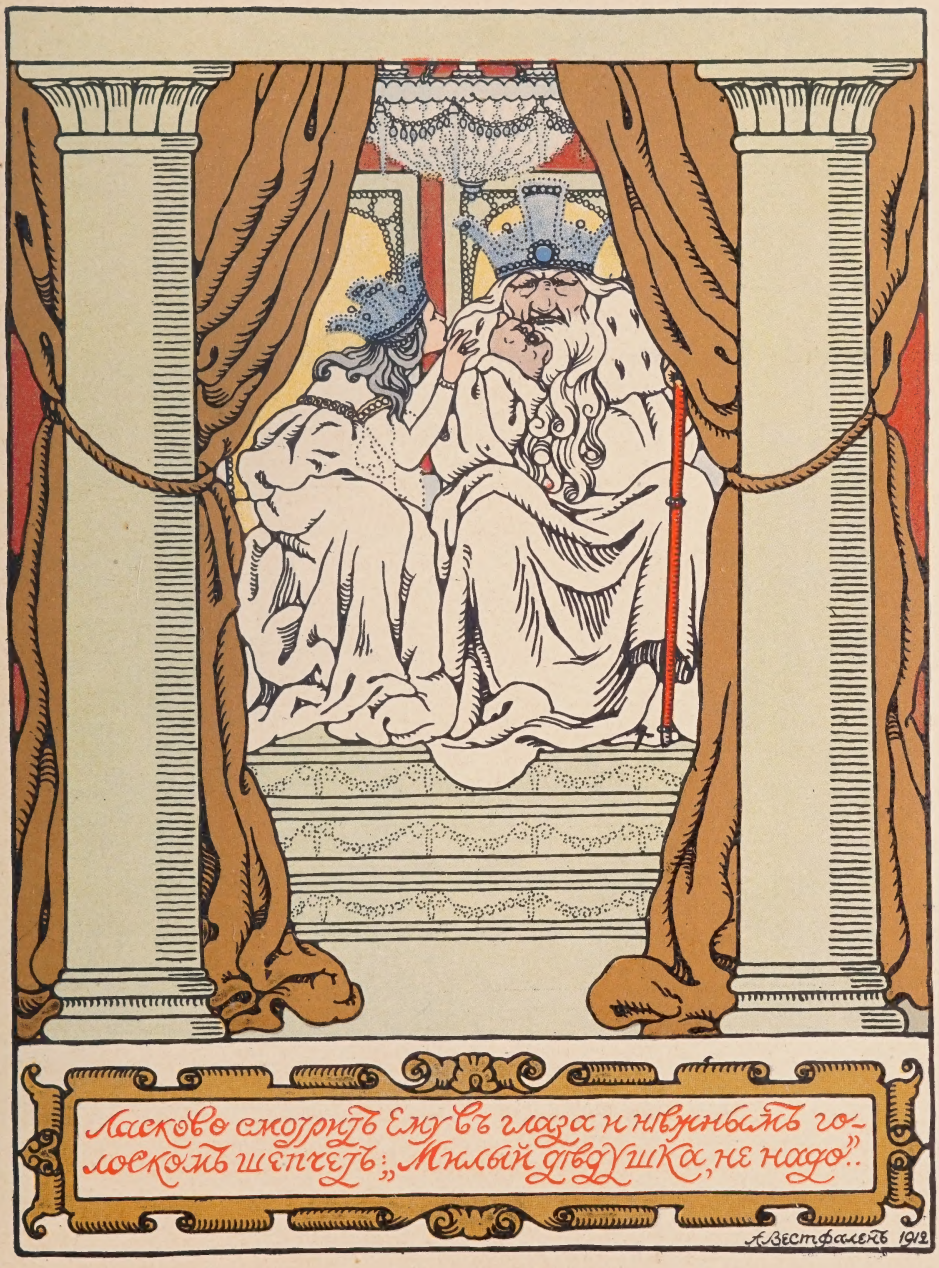
Быстро спустились его слуги внизъ, легкимъ снѣгомъ осыпали дѣвочку, окутали ее, словно пушистымъ одѣяломъ, и унесли далеко, далеко туда, въ заоблачный просторъ.

А снѣжинки пѣли ей пѣсни, чтобы она не боялась ихъ, и дѣвочка заснула подъ тихіе звуки нѣжнаго пѣнія.

Когда она проснулась, то увидѣла себя уже въ чертогѣ Ледяного Дѣдушки.

Сначала ей казалось, что она все это видитъ во снѣ.

На высокомъ алмазномъ тронѣ, въ бѣлоснѣжной одеждѣ сидѣлъ сѣдой, какъ лунь, старый Дѣдъ. Бѣлые кудри его широкой волной падали на горностаевую мантію, а на головѣ красовалась корона изъ голубыхъ алмазовъ, которые переливались тысячами огней. У ногъ его лежали бѣлые медвѣди, а надъ трономъ парили орлы.


Ласково смотрит Ему в глаза и нежным голоском шепчет: „Милый дедушка, не надо"..
А. Вестфален 1912

Кругомъ дѣдушки собрались всѣ его подданные—лютые морозы, такіе-же сѣдовласые, какъ и онъ, юноши удалые—вѣтры буйные. Бѣлыя снѣжинки алмазными звѣздочками летали по ледяному чертогу и, словно брилльянты, осыпали одежду и кудри старцевъ и юношей.

Когда маленькая дѣвочка проснулась и увидѣла себя у подножія алмазнаго трона, она съ удивленіемъ смотрѣла на эту волшебную картину. Черные глазки заискрились радостнымъ огонькомъ, и личико просіяло улыбкой. Она вспомнила сказки, которыя разсказывала ей мать, и думала, что какая-нибудь добрая волшебница сжалилась надъ ней и унесла въ свой воздушный замокъ. Старому Дѣду тоже понравилась маленькая дѣвочка: онъ ласково поманилъ ее къ себѣ и, когда она робко подошла и опустилась передъ его тономъ, онъ поднялъ ее и погладилъ по кудрявой головкѣ.

— Не бойся, дитя мое,—сказалъ онъ,—Я знаю, что ты одна на землѣ, а я здѣсь одинъ въ своемъ дворцѣ. И вотъ, мнѣ захотѣлось взять тебя къ себѣ и подѣлиться съ тобой и богатствомъ и властью. Живи со мной и будь моей Снѣжной Принцессой. И слуги мои отнынѣ должны служить не только мнѣ, Ледяному Царю, но и тебѣ, Снѣжной Принцессѣ.

И онъ взмахнулъ волшебнымъ жезломъ, и вмигъ ея лохмотья превратились въ блестящее одѣяніе, все словно сотканное изъ тончайшихъ алмазныхъ нитей и опушенное лебяжьимъ пухомъ. Кудри ея переплелись, точно жемчугомъ, блестящими росинками, а головка украсилась такой-же голубой прозрачной короной, какая была и на самомъ Ледяномъ Царѣ.

И такъ хороша была маленькая Снѣжная Принцесса, что суровый Дѣдъ невольно протянулъ къ ней руки, и маленькая принцесса ласково прильнула головкой къ холодной груди могучаго повелителя и ласково обвила его шею своими ручками.

И насупились старые дѣды, морозы-лютые, стоявшіе около трона повелителя,—не нравилась имъ эта дѣтская ласка, какъ не нравился и теплый лучъ весенняго солнышка. Нахмурили они свои снѣжныя брови и сурово посмотрѣли на своего властителя.

А юноши удалые, вѣтры буйные, больше прежняго зардѣлись, и въ первый разъ повѣяло чуть слышнымъ тепломъ въ ледяномъ чертогѣ.

Опять взмахнулъ волшебнымъ жезломъ старый Дѣдушка, и рядомъ съ его тономъ выросъ такой-же алмазный тронъ, покрытый горностаевой мантіей. Сюда усадилъ онъ свою Снѣжную Принцессу и ея ножки закутэлъ въ горностаевую мантію. Бѣлыя снѣжинки закружились надъ тономъ и, разсыпаясь алмазами, осыпали Принцессу тысячами блестящихъ росинокъ.

И зажили теперь вмѣстѣ Ледяной Царь и маленькая Снѣжная Принцесса.

Уютно стало старому Дѣду въ холодномъ его жилищѣ. Когда разошлетъ онъ своихъ слугъ и останется одинъ въ ледяномъ чертогѣ, онъ уже не прислушивается, какъ

прежде, съ радостной улыбкой, какъ воютъ и метутъ на землѣ метели и вьюги, а позоветъ къ себѣ Принцессу, усадитъ ее и слушаетъ, какъ она разсказываетъ ему о землѣ, о горѣ бѣднаго люда, о голодѣ и холодѣ, которые терпятъ они отъ усердныхъ слугъ его. И когда на землѣ воетъ буря и стонутъ вѣтры, приляжетъ маленькая дѣвочка къ плечу стараго Дѣда, ласково смотритъ ему въ глаза и нѣжнымъ голоскомъ шепнетъ:

— Милый Дѣдушка, не надо.

И кажется тогда старому, что солнечный лучъ проникаетъ въ его ледяное сердце, и призываетъ онъ тогда съ земли подданныхъ своихъ и говоритъ:

— Довольно!

А люди на землѣ благодарятъ Бога за зиму теплую «сиротскую», и не знаютъ того, что въ царствѣ Ледяного Дѣда проситъ за нихъ маленькая сиротка.

Такъ прошли годы. Дѣвочка превратилась въ дѣвушку съ кроткимъ, ласковымъ взоромъ. Сколько любви въ ея глазахъ! Посмотритъ ли она на Дѣдушку и проситъ за бѣдную землю,—не устоитъ старый передъ просьбой пріемной дочки своей: призоветъ обратно мятели и вьюги и велитъ имъ отдохнуть: вскинетъ ли ласковымъ взоромъ на молодцевъ добрыхъ, вѣтровъ разгульныхъ—и притихнутъ они: и даже морозы лютые какъ-то присмирѣли съ тѣхъ поръ, какъ въ царствѣ ихъ появилась Принцесса, и теперь люди только вспоминаютъ, какъ, бывало, въ старину трещали славные морозы.

Такъ минули вѣка.

Въ ледяныхъ чертогахъ все также живетъ Снѣжная Принцесса и дѣлитъ власть суроваго царя. Все также любитъ она бѣдную землю, любитъ людей, и не перечесть, сколькихъ спасла она изъ холодныхъ объятій морозовъ и вьюгъ.

Но порой сердитый Дѣдушка суровъ и неумолимъ, тогда безсильны и просьбы Принцессы.

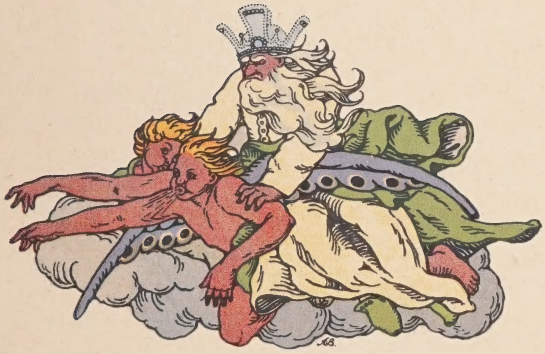
Грозно призываетъ онъ слугъ своихъ и велитъ имъ спуститься на землю, а они, словно сорвавшись съ цѣпи, несутся внизъ и рады, что могутъ разгуляться на просторѣ.

А Принцесса плачетъ и буйные вѣтры уносятъ ея слезы на землю, и тамъ, гдѣ упадетъ ея слеза, люди чувствуютъ жалость къ бѣднякамъ, идутъ на чердаки, въ сырые подвалы, убогія хижины, отыскиваютъ тамъ несчастныхъ и помогаютъ имъ.

Но порой Ледяной Царь самъ улетаетъ на буйныхъ вѣтрахъ своихъ въ далекія, холодныя страны.

Тогда въ алмазномъ чертогѣ остается одна кроткая Снѣжная Принцесса; она спускается на землю въ солнечномъ лучѣ и отогрѣваетъ теплымъ дыханіемъ мерзлую землю.

Всюду, куда ни ступитъ ея нога, выростаетъ трава и распускаются цвѣты; дунетъ въ лѣсъ—и онъ пробудится отъ зимняго сна; спустится на воды—и разорвутся ледяные оковы, и рыбки заиграютъ въ веселомъ хороводѣ; заглянетъ въ окна бѣдняковъ, согрѣетъ ихъ своей улыбкой—и радостно высыплетъ бѣднота полюбоваться на весеннее солнышко. Бѣлый нарядъ свой она смѣняетъ тогда на цвѣтущее одѣяніе весны, и, вмѣсто алмазныхъ нитей и голубой короны, на головѣ ея красуется душистый вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Но не долго можетъ оставаться дѣвушка на любимой землѣ.

Возвращается Ледяной Царь, и въ алмазномъ чертогѣ его опять встрѣчаетъ кроткая Снѣжная Принцесса. И опять слушаетъ старый Дѣдъ разсказы своей дочки; опять склоняется порой на ея просьбы и умѣряетъ усердіе вѣрныхъ слугъ своихъ. И такъ длятся вѣка, и люди не знаютъ, что въ ледяномъ царствѣ живетъ маленькая, отвергнутая ими сиротка, не знаютъ, какъ любитъ ихъ эта сиротка и своей любовью смиряетъ холодное сердце Ледяного Царя.